

А. Франс

Таис

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ф82

Франс А.
Ф82 Таис / А. Франс – М.: Книга по Требованию, 2021. – 116 с.

ISBN 978-5-4241-2722-9

Анатоля Франса (настоящее имя Анатоль Франсуа Тибо) современники называли писателем «самым французским, самым парижским, самым утонченным». В 1921 году литературные достижения Анатоля Франса были отмечены Нобелевской премией. Роман «Таис», в котором традиционный сюжет об обращении грешницы находит неожиданное воплощение, впервые опубликован летом 1889 г. в журнале «Ревю де Де монд», отдельное издание вышло в октябре того же года.

ISBN 978-5-4241-2722-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А. Франс, 2021

Анатоль Франс
Таис

Сквозь призму истории

АНАТОЛЬ ФРАНС И ЕГО ГЕРОЙ

*Во всех искусствах художник
изображает только свою душу...
и в какой бы костюм ни одевал
он свое творение, оно по духу
современно художнику...
Художник либо отдает своим
творениям собственную жизнь,
либо вырезает марионеток и
одевает кукол.
А. Франс. Преступление*

Сильвестра Бонара.

Набережная Малаке, 19, – здесь, в центре Парижа, помещалась известная на весь город букинистическая лавка Франсуа-Ноэля Тибо (или Ноэля Франса, как называли его земляки-анжуйцы и именовал себя он сам). В этом доме 16 апреля 1844 года родился Анатолий Франс. Книжки окружали его с первого и до последнего дня жизни, с ними так или иначе связаны и многие страницы его романов. Библиотеки в замке д'Астарака («Харчевня королевы Гусиные лапы») и в особняке д'Эспарвье («Восстание ангелов»), «обитель книг» Сильвестра Бонара («Преступление Сильвестра Бонара»), кабинет профессора Бержере («Современная история») – прообразом всех этих книжных сокровищниц была, конечно, лавка отца писателя, где на полках «теснились целые племена поэтов, философов, историков». «Еще совсем ребенком, – скажет Франс устами господина Бержере, – я прислушивался к тому, как они молчали, оглушая меня жужжанием славы».

Отец писателя, Ноэль Франс, был человеком недожизненным. Сын деревенского башмачника, батрак, потом солдат гвардии Карла X, он лишь на двадцать третьем году обучился грамоте. Однако вскоре сделался страстным книголюбом, поступил при поддержке своего бывшего командира графа де ла Бедуайера приказчиком в книжную лавку и наконец, проявив изрядные деловые качества, стал ее владельцем. Франс-букинист собирал все, что касалось Великой Французской революции. «Книжки, газеты, карикатуры и автографы времен Революции» – так называлась его первая библиографическая работа. Это вовсе не значило, что он был либералом, напротив: бывший гвардеец Карла X всю жизнь оставался убежденным монархистом, ревностным католиком и, как многие люди, обязанные достигнутым положением лишь собственному упорству, был непоколебим в своих взглядах. В одном из автобиографических произведений Франс писал: «Мой ум сформировался по образцу ума моего отца, подобно той чаше, которую скульптор изваял по форме груди своей возлюбленной: самые пленительные ее округлости воспроизводились углублениями... Он был оптимистом, но меланхоликом. Взяв его за образец, я стал пессимистом, но жизнерадостным». Нетрудно догадаться, что если не только черты характера, но и убеждения отца оборачивались в сыне своей противоположностью, то Анатолий Франс неизбежно должен был стать республиканцем и безбожником. Что ж, так и случилось!

Разумеется, оба – и отец, и сын – любили книги, но каждый любил их по-своему. Старый букинист испытывал к книгам слепую страсть, он был из тех библиоманов, для которых, как говорил Франс, не было наслаждения выше, чем «проводить трепетными пальцами по восхитительно шероховатому сафьяну переплета». Содержание томов, которые собирал Ноэль Франс, могло быть его глубоко чуждо, больше того – враждебно, это не охлаждало его пыла. Франс-сын, куда более равнодушный к корешкам и переплетам, был зато намного внимательнее к тому, что написано на страницах. Если уподобить книги людям, то можно сказать, что отец больше любил их телесные оболочки, а сын – души. А ведь и в самом деле, книги – существа одушевленные, и души их бессмертны. Ни огонь, ни вода, ни черные времена, ни серое безвременье, ни папские индексы, ни правительственные запреты не могут уничтожить живущие в них правду и красоту. Не потому ли, с детства приобщившись к этим вечным ценностям, Анатолий Франс не испытывал нужды в вечности и бессмертии, которые предлагает религия?

Итак, ум молодого Франса питали книги разных времен и народов; заключенный в них духовный опыт человечества становился как бы его собственным опытом. Книги дали ему и нравственную закалку, не менее прочную, чем он мог бы получить, пройдя самую суровую жизненную школу. Любимым же его героем всегда был Дон Кихот, тоже книжная душа, защитник свободы и справедливости. Что, как не книги, побудило ламанчского идаляго отправиться в большой мир в надежде изменить его к лучшему? Такая же неистребимая потребность отстаивать свою правду, делиться своим духовным богатством жила и в Анатоле Франсе. Сближает его с Дон Кихотом и ностальгия по старым добрым временам – в его исторических произведениях она особенно ошутима. Но Франсу было присуще еще и острое чувство современности, трезвость мысли, то есть все то, чего лишил своего героя Сервантес и чем сам автор «Дон Кихота» был наделен в полной мере. В характере Франса как будто сочетались горький сарказм Сервантеса и безудержный энтузиазм его героя (не это ли имел он в виду, аттестуя себя как «жизнерадостного пессимиста»?).

Читая романы Франса, легко заметить, что многие его герои созданы по образу и подобию самого автора: таковы Сильвестр Бонар, аббат Куаньяр, Бержере. По существу, это один и тот же тип интеллигента-книжника, в котором высокая культура естественно соединяется с душевным благородством. Они похожи друг на друга, как братья, и в каждом есть частичка святого безумия и отрезвляющего скептицизма. Их роднят и интересы: история, философия, литература – словом, тот комплекс наук и искусств, который в эпоху Возрождения называли «*studia humanitatis*». Тогда же появилось слово «гуманитизм», обозначающее тех, кто посвятил себя изучению этих наук и в первую очередь моральной философии. Именно этим словом и в историческом, и в современном его смысле можно наиболее емко охарактеризовать франсовских героев-интеллектуалов. И они, и их создатель принадлежат к старинному гуманистическому братству, тому братству, к которому причислено не одно славное имя: Эразм, Рабле и Монтень, Дидро, Монтескье и Вольтер.

Гуманистам, начиная с мыслителей Возрождения, свойственно воспринимать современность сквозь призму истории, находить в прошлом некие модели для объяснения современности. Эту особенность мировоззрения унаследовал и

Франс, так что обращение к исторической прозе было для него вполне органичным, давало возможность выразить себя, свое отношение к миру. И хотя далеко не сразу нашел он жанр, созвучный своему складу ума, – Франс дебютировал как поэт, – хотя в его философских одах и драматических поэмах еще не было того блеска, той иронии, представление о которых неотделимо от его имени, но уже и ранние произведения проникнуты поэзией мысли, а это основа всего творчества Франса.

«Анатоль Франс для меня – владыка мысли, – писал М. Горький, – он родил, воспитал ее, умел эффектно одеть словом, элегантно и грациозно вывозил в свет». ¹ Действительно, искусство Франса – это прежде всего искусство мысли. Он наследник великой традиции французской философской прозы, наследник Монтеня, Паскаля, Вольтера, художников и мыслителей в равной мере.

Первым крупным историческим произведением Франса был роман «Таис» (1889), принесший ему мировую известность. Впрочем, сам Франс определял жанр «Таис» как философскую повесть, подчеркивая иносказательный характер истории Таис и Пафнутия. Вряд ли нашелся бы во Франции человек, не знавший эту старинную коптскую легенду; ее использовали Франсуа Вийон и Эразм Роттердамский, она множество раз пересказывалась в «Житиях святых» и часто упоминалась в проповедях священников. Франс предлагает свою версию: его роман кончается вознесением Таис и падением обратившего ее в христианство Пафнутия. Принявший свою любовь к Таис за стремление спасти душу язычницы, монах оказывается бессильным заглушить земную, плотскую природу этой страсти. Таис и Пафнутий – это красота и уродство, гармония и варварство. Трагическая и страшная фигура Пафнутия – олицетворение той силы, что во все времена противостояла разуму и поэзии. Пафнутий – антипод героя-гуманиста, вечный враг Дон Кихотов, Куаньяров, Бержере. Потому-то Франс так настойчиво называл «Таис» не только философской повестью, но и сказкой, притчей и даже «элементарным пособием по философии и морали».

И все же эта драма идей, имеющая характер общечеловеческий, разворачивается на мастерски выписанном историческом фоне. Атмосфера утонченной Александрии, столицы эллинистического мира, где причудливо сплетается культура Востока и Запада, дана Франсом с такой психологической точностью, с такой убедительностью, что создается иллюзия полной достоверности. В искусстве стилизации Франс был подлинным виртуозом. Свой метод он называл интуитивным вживанием в эпоху (но то была зоркая интуиция эрудита), или, выражаясь собственными словами писателя, «методом критического воображения», позволявшим усвоить и воспроизвести язык, мышление, поведение людей далекого прошлого.

В таком подходе к историческому материалу сказалось влияние старшего современника Франса, Эрнеста Ренана, историка, философа, человека чрезвычайно яркого, сумевшего заразить своими идеями всю Европу. Работы Ренана – это своего рода поэтическая реконструкция библейской и евангельской истории, художественное и научное переосмысление канонизированных мифов. Вслед за автором «Жизни Иисуса» увлекся эпохой раннего христианства и Франс. «Эта тема требовала от исследователя исключительных умственных данных и притом совершенно противоположных друг другу, – писал он в одном из очерков о Ренане. – Тут нужен был неусыпный критический ум, научный скептицизм, спо-

собный противостоять как лукавству верующих, так и их чистосердечию, которое является более могущественной силой, чем лукавство. Тут нужно было в то же время живое чувство божественного, инстинктивное понимание потребностей человеческой души, своего рода объективное чувство веры». Все эти редкие качества проявил и сам автор «Таис».

Три части романа названы именами трех растений: Лотос, Папирус и Евфорбия. Три мира, символически обозначенные растениями, – это смиренномудрие фиваидских отшельников (Лотос), книжная мудрость античности (Папирус) и разрушительное безумие фанатизма (Евфорбия, ядовитый молочай). И в каждом из этих миров христианство предстает разными своими сторонами. Во второй части, точнее, в отрывке «Пир», названном так по аналогии с архиклассическим диалогом Платона, учение христиан стоит в ряду других религиозных и философских учений поздней античности и выглядит по сравнению со многими из них, особенно по сравнению с традиционными школами стоицизма, эпикурейства, платонизма, весьма примитивной компиляцией. Таков критический и скептический взгляд на христианство, взгляд со стороны. Но есть в романе и взгляд изнутри: христианство глазами святого Антония, раба Ахмеса, брата Палемона – это цельное мироощущение со своей духовностью, это утоление «потребностей человеческой души», своеобразное стремление к гармонии. Античная открытость и христианская углубленность, стихия Лотоса и стихия Папируса отличаются друг от друга, но не враждебны. «Каждый из нас, – говорит эпикуреец Никий Пафнутию, – стремится к тому, что радует его, и цель у всех нас одна и та же – счастье, несбыточное счастье». Легко и не совершая насилия над своей природой, превращается жрица любви в невесту Христову. Забегая вперед, упомянем аббата Куаньяра, «чудесно сочетавшего в себе Эпикура и святого Франциска Ассизского».

Что же касается третьей стихии, то она соответствует разрушительному началу христианства, превратившегося в догму, скованного церковной иерархией и нетерпимого к инакомыслию. Пафнутий мыслит добродетель как извращение естества, просветленное созерцание сменяется у него мрачной экзальтацией. Горький сок Евфорбии губит и античный Папирус, и евангельский Лотос.

Новеллы сборника «Перламутровый ларец» как будто бы вновь доказывают чуткость Франса-художника к наивной поэзии, заключенной в раннехристианских и средневековых легендах, житиях, апокрифах. Однако, читая эти новеллы, трудно отделаться от впечатления, что все рассказываемое если не пародия – это далеко не так! – то все же игра. С лукавой усмешкой, а то и с издевкой вклинивается в стилизованное повествование сам рассказчик. То вдруг на миг воскресает непорочная святая Схоластика, чтобы отпустить замечание, вносящее в трогательно-благочестивую новеллу «Схоластика» юмористическую, игривую нотку. То другой новелле («Святая Евфросиния») придано пародийное, наукообразное обрамление. Необыкновенная точность датировки рукописи («между VII и XIV веком»), ссылки на «византийскую чопорность» диакона Георгия из лавры на горе Афонской вносят в легенду буффонный элемент. Кажется, автор старательно надувает красивый воздушный шарик, а затем протыкает его тонкой иглой.

После «Перламутрового ларца» сборник «Колодезь святой Клары» поражает резкой сменой палитры. Вместо пастельных полутонов – яркие краски, вместо

подспудной иронии, легкой усмешки – громкий смех. Принцип психологического вживания неизменен, но вживается Франс на этот раз – и делает это с видимым наслаждением – в другую эпоху, эпоху великих открытий и великих кровопролитий, свирепого фанатизма и высокого гуманизма. Возрождение – духовная родина гуманистов, всех реальных и книжных единомышленников Франса, время утверждения светской культуры. Эта эпоха породила необыкновенные характеры, такие, например, как Фарината дельи Уберти (новелла о нем относится к другому сборнику, но примыкает к тому же циклу) и Гвидо Кавальканти.

Гвидо и Фарината одинаково неистовы в достижении цели, будь то победа в гражданской войне или овладение сокровенной мудростью, одинаково дерзки в своих эпикурейских взглядах и одинаково преданы «возлюбленной Флоренции». Любовь Фаринаты, стоившая жизни десяти тысячам флорентийцев, страшна и губительна. «Все дозволено тому, кто действует силою ума и крепостью сердца» – таково credo Фаринаты, сына своего жестокого и прекрасного времени. Смешанное чувство ужаса и восторга внушает фигура этого гордеца, упомянутого Данте в X песне «Ада». Истоки новеллы о Гвидо Кавальканти – в «Декамероне», хотя Франс превратил забавный эпизод в философскую притчу.

Строки Данте, Боккаччо, Вазари, предпосланные новеллам «Колодезя святой Клары», подобны искрам, разжигающим творческую фантазию писателя. Создается впечатление, что Франс задался целью охватить всю тематику ренессансной новеллистики, многоликость которой соответствовала многоликости эпохи: новеллы о шутниках, о лукавых женщинах, о знаменитых художниках, о несчастных любовниках. По образцу новелл Возрождения написан и «Хорошо усвоенный урок», включенный в цикл «Рассказы Жака Турнеброша», и даже рассказ о рыцарской доблести Оливье, сподвижника Карла Великого (хотя этот сюжет почерпнут из старофранцузского эпоса, но, верно, именно так распорядился бы им сам автор «Декамерона»).

Расцветшая в эпоху Возрождения, новелла стала традиционным, излюбленным жанром французской литературы. В ней оттачивались краткость и точность, которые Франс считал «свойствами подлинно французского гения». «Мне бы хотелось, – говорил он, – чтобы по-прежнему создавали прекрасные французские новеллы, мне бы хотелось, чтобы писали изящно и легко, а также коротко. Ведь именно в этом – не так ли? – высшая учтивость писателя».

Изыществом и легкостью дышит у Франса каждая строка, но это не значит, что его новеллы – всего лишь филигранные безделушки. Они не только живописны, но и современны. В уме писателя-эрудита проблемы современности постоянно проецировались в прошлое, а прошлое постоянно подсвечивалось современностью. Таков вообще закон исторической прозы (если, конечно, это проза, а не прикладная литература, написанная для развлечения или поучения): чем она достовернее, точнее в изображении духа и деталей эпохи, тем острее и современней. Современное само художественное осмысление писателем истории в самом широком смысле слова: истории общественной и частной жизни в их взаимодействии, материальной и духовной культуры.

Если в романе «Таис», действие которого приурочено к трагической эпохе гибели античной цивилизации, выведен антигерой Пафнутий, то, казалось бы, теперь, в новеллах ренессансного цикла, должен появиться сам герой-гуманист. Действительно, мы постоянно слышим его голос, хотя не можем отождествить

ни с кем из персонажей. Это голос рассказчика, и рассказчик этот представляется кем-то наподобие ученого монаха Боккаччо, художника Вазари, историка Поджо – человеком, ценящим радости земного бытия, к которым причисляется также и радость творчества, философского размышления.

Новая ипостась французского героя – аббат Жером Куаньяр. Действие романа «Харчевня королевы Гусиные лапы» относится к двадцатым годам XVIII века, то есть к начальному периоду Просвещения, когда молодой Вольтер еще только набирался вольномыслия в Англии, «Персидские письма» Монтескье были будоражащей умы новинкой, не успевшей еще проникнуть в те не слишком высокие слои общества, где вращаются герои романа, а великий Дидро был не старше юного Жако Турнеброша.

И «Харчевня», и «Суждения господина Жерома Куаньяра» вышли в свет почти одновременно, в 1893 году. Любопытно происхождение имени главного героя романов. Псевдонимом «Жером» Анатоль Франс в течение нескольких лет подписывал выдержанные в памфлетном стиле статьи «Парижской хроники» – рубрики, которую он вел в журнале «Юнивер иллюстре». Имя же «Куаньяр» не вымышлено: в XVII—XVIII веках однофамильцы аббата были издателями и книгопродавцами в Париже. Такая изначальная двойственность героя весьма знаменательна: в Жероме Куаньяре уживаются эрудит начала XVIII века и памфлетист конца XIX. И если в герое «Харчевни» преобладают гены Куаньяров из книжной лавки, то «Суждения» произносит переодетый в рясу аббата господин Жером.

По существу, два романа, хотя и объединенные общими героями, совершенно не похожи друг на друга. «Харчевня» – это небольшая энциклопедия эпохи, несмотря на то, что в ней не выведено ни одно историческое лицо. Быт, нравы, социальные типы – все, вплоть до топографии Парижа, описано абсолютно точно. Юный Турнеброш выполняет в книге роль бесхитростного рассказчика, чье простодушие оттеняет иронию и скептицизм аббата, одного из самых обаятельных героев Франса. Этот бродяга не имеет ни кола ни двора, однако никогда не бывает одинок в своих скитаниях: с ним его вечный спутник Бозций и целый сонм дружественных духов, древних и новых философов и поэтов. Сам он, к слову сказать, был бы достойным спутником героев Рабле: насмешника Панурга и добродушного Пантагрюэля. Едва ли не самое оригинальное в воззрениях аббата – это его неподражаемая вера. Христианская религия для него – образец всепрощения, гуманности, терпимости, учение, отлично приспособленное к такому несовершенному созданию, как человек. «Не судите, да не судимы будете» – вот основная мудрость, почерпнутая им из Священного писания. «Постарайся представить себе род человеческий как бы на качелях, качающихся между проклятием и искуплением, и знай, что в эту минуту я нахожусь на благостном конце описываемой ими дуги, тогда как еще нынче утром я пребывал на противоположном ее конце», – невозмутимо вещает он своему ученику, и читатель – а Франс рассчитывал на более или менее просвещенного читателя – узнает в его словах чуть ли не шаржированные рассуждения классика французской литературы, писателя и мыслителя XVI века Мишеля Монтеня, который писал о мировых качелях – символе изменчивости. Аббата нимало не смущают ни его собственные прегрешения, ни грехи всего рода людского, как, видимо, не смущает и то, что его трактовка церковных догматов далека от ортодоксальной. И если

он, как кажется, вполне искренне ставит разум ниже веры, то ведь и вольнодумец Монтень тоже отделял разум от веры, но лишь затем, чтобы не смешивать вещи несовместимые, ибо ничего хорошего такое совмещение не сулит. Кроме того, как заметил известный литературный критик XIX века Шарль Сент-Бев: «Чем выше ворота храма, тем меньше рискуешь расширить о них голову».

Жером Куаньяр полон недостатков: он падок до женщин, не прочь отменно выпить и закусь, он плутоват, да и на руку нечист, но все эти слабости, делающие его, впрочем, только еще симпатичнее, не заслоняют душевного благородства, внутренней независимости, пытливого ума, то есть общих родовых черт литературных двойников Франса. Аббат Куаньяр – полная противоположность Пафнутию из «Таис». Насколько мерзок Пафнутий в героическом деянии, настолько величав Куаньяр в житейской суете.

«Харчевня королевы Гусиные лапы» – роман одновременно авантюрный и философский. Как умело выстроена его интрига, как выписаны персонажи, а последние главы – какая в них терпкая смесь иронии и трагизма! До чего увлекательна эта хроника времен аббата Куаньяра! Совсем иное дело – книга его суждений. Аббат здесь тот, да не тот. Бледнеет густой красочный фон, исчезает плоть истории, точное время и место действия вообще не имеют никакого значения: Францию XVIII века можно было бы заменить тридевятым царством – тридесатым государством или условно-бутафорной Вавилонией, где жил вольтеровский Задиг. Куаньяр из «Харчевни» – отличный портрет, дающий представление и о характере, и о внешности, и об одежде героя, в «Суждениях» же это не портрет, а маска, под которой скрывается сам автор. Традиция «Философских повестей» Вольтера, ошутимая и в первом из романов об аббате Куаньяре, во втором преобладает. «Суждения господина Жерома Куаньяра» – по существу, не что иное, как написанный эзоповым языком памфлет.

«Господин Куаньяр, – сообщает Франс читателям, – был склонен к отвлеченной мысли и охотно прибегал к широким обобщениям. Эта склонность его ума... придает его рассуждениям известную ценность и несомненную полезность. Мы можем по ним научиться лучше судить о наших современных нравах и распознавать то, что в них есть дурного». Устами Куаньяра автор судит об общественных установлениях, государственном устройстве, законах, войнах, политике Третьей республики конца 80-х – начала 90-х годов. XIX век во Франции был особенно бурным: империи, республики, монархии сменяли друг друга, как узоры в калейдоскопе, и каждое новое правительство утверждало свою политическую доктрину как единственно верную и хулило предыдущий режим. Государственная власть, в силу частых переворотов утратившая ореол незыблемости, искала опоры то в обветшалом святошестве, то в дешевом лжепатриотизме, замешанном на шовинизме, то в спекуляции высокими словами о свободе и демократии. Франс – Куаньяр владеет противоядием от косности, демагогии и доктринерства, он вооружен унаследованным от Монтеня и Вольтера гуманистическим скептицизмом, «счастливым сомнением». Такой скептицизм – фермент, поддерживающий вечное брожение умов и мешающий осуществлению заветного желания стоящих у власти политиканов: заставить всех повиноваться единому приказу «думай, как я!».

В 1897—1901 гг. одна за другой выходят в свет четыре части «Современной истории» Франса. Герой тетралогии господин Бержере, коллега и собрат Бонара

и Куаньяра, проявляет не только житейскую стойкость, но и гражданское мужество, открыто выступая в защиту поправленной справедливости. Бержере переживает то, что переживал сам Франс в последние годы века, когда разразилось знаменитое дело Дрейфуса.² Борьба за судьбу невинно осужденного человека переросла в битву между силами прогресса и реакции. Страна раскололась на два лагеря, один из которых составляли представители военной, церковной и бюрократической верхушки общества, а также обманутые реакционной пропагандой обыватели, другой же – честные французы всех сословий, верные идеалам демократии и гуманизма.

В эти годы Анатолий Франс и Эмиль Золя были совестью Франции.

Для многих, даже близко знавших Франса людей его выступление на стороне дрейфусаров оказалось неожиданностью: разве ирония почтенного академика не свидетельствовала о благодушии и невозмутимости, тонкий эстетизм рафинированного интеллигента – о презрении к практической деятельности, неизменный скептицизм – о политической индифферентности? Но ирония обернулась гневной сатирой, эстетизм – ненавистью к социальным уродствам, а скептицизм – политической зоркостью.

«Поведение Франса во время Дела порой вызывало недоумение, – пишет французский исследователь творчества Франса Жак Сюффель. – Он, скептик, холодный наблюдатель, – он, безразличный ко всем политикам – что левым, что правым, – вдруг вступил в борьбу, решительно приняв сторону бунтарей... Но он лишь проявил свою сущность. Можно проследить, как развивалась его мысль от богохульных идей „Таис“ до сокрушительных атак аббата Куаньяра и насмешек Бержере. В критический момент его охватил тот же пыл, что и Вольтера во время процесса Каласа».

Начиная с дела Дрейфуса, Франс все больше времени и сил отдавал политической борьбе. Его духовная эволюция от поэта, воспевающего гармонию и разум, до публициста, отстаивающего социалистические идеи, удивительна, но закономерна. Гуманизм не может быть «абстрактным», он всегда направлен в жизнь, в современность. Автор исторических романов и новелл Анатолий Франс и его герой, профессор римской истории Бержере, доказали, что изучение прошлого – неплохая нравственная и политическая школа. Несколько поколений сменилось после смерти Франса (он умер в 1924 году), но каждый, кто вновь открывает его книги, приобщается к многовековой гуманистической традиции. Слово Франса, рыцарски защищавшего человечность и демократию, не утрачивает своей силы и сегодня, оно было и остается верным оружием в борьбе с фарисейством и мракобесием.

Н. Мавлевич